Ш. Р. Кашаф

Российское государство в политическом дискурсе мусульманского сообщества

Кашаф Шамиль Равильевич — аспирант кафедры политологии и политического управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, член исследовательского комитета по политической коммуникативистике Российской ассоциации политической науки (e-mail: Kashaf@ur.rags.ru).

Аннотация. В статье рассматривается представленный в публичной сфере дискурс мусульманского сообщества, идентифицирующего себя с неотъемлемой частью единой российской гражданской нации. Анализируются тексты, содержащие политические заявления по утверждению новой институциональной основы Российского государства, которая могла бы соответствовать модернизационным преобразованиям и учитывать этноконфессиональное многообразие страны.
Ключевые слова: исламский дискурс, многоконфессиональное государство, мусульманское сообщество, политический дискурс, Российская государственность, политические партии.

В преддверии празднования 1150-летия зарождения государственности России культивируемые в публичной сфере лидерами российских мусульман дискурсивные практики отражают имеющиеся в многонациональном и многоконфессиональном социуме сложности его консолидации, утверждения новой институциональной основы, которая могла бы соответствовать демократическим преобразованиям в стране, признавшей политическую модернизацию как императив развития Российского государства.

В определённом смысле русский политический дискурс[1], в котором активизировались его носители из среды лидеров мусульманского сообщества, также переживает дискурс-бум[2]. Но поскольку, как справедливо заметил

[1] Русский политический дискурс — это осуществляемый на русском языке речевой акт, сопровождающий политическое действие в политической обстановке (*Гаврилова М. В.* Концепт «власть» в инаугурационных выступлениях российских президентов // Социология власти. — 2011. — № 8. — С.44).

[2] И. Т. Касавин говорит о дискурс-бум, как следствии ряда интеллектуальных и социальных факторов, включающих современные технологии связи и власти СМИ, активной междисциплинарной диффузии и т.д. (См.: *Касавин И. Т.* Дискурс-анализ как междисциплинарный метод гуманитарных наук // Эпистемология & Философия науки. Т.X. — 2006. — № IV).

В. А. Михеев, «в обществе отмечается наличие критического состояния самоорганизации: малое событие может вызвать цепную реакцию, способную повлиять на всю систему»[1], вектор политического дискурса должен иметь консолидирующий и интегрирующий вектор направленности.

Не случайно Президент РФ Д. А. Медведев, объявивший 3 марта 2011 года на конференции «Великие реформы и модернизация России» о подписании указа[2], дающего стране официальное основание отметить юбилей российской государственности, позже на совместном заседании президиумов Совета по культуре и искусству и Совета по науке, технологиям и образованию посчитал необходимым дополнительно разъяснить смысл грядущего торжества. Решение о узаконении юбилея президентом принималось взвешенно и прагматично. В своём комментарии глава государства позволил себе даже большую степень откровенности: «Когда я подписывал этот Указ, я долго думал: надо его подписывать, не надо его подписывать»[3].

Как известно, именно 862 год, когда согласно «Повести временных лет» восточные славяне позвали к себе на княжение варяга Рюрика, в отечественной истории принято считать началом формирования Русского централизованного государства. Однако тема государственного признания эпохальной даты всегда вызывало академические дискуссии[4], а также разного рода политические спекуляции[5], ведь, как метко замечено, спор вокруг истории уже давно перестал быть уделом историков — об этом спорят политики. По большому счёту, подписывая президентский указ, Медведеву предстояло, окончательно и не впадая в ошибку, определиться в немаловажном вопросе, затрагивающем родословную великой державы.

Когда-то политический мыслитель Никколло Макиавелли предупреждал государей о том, что им не стоит надеяться на принятие исключительно безошибочных решений. Наоборот, правителям «следует заранее примириться с тем, что всякое решение сомнительно, ибо это в порядке вещей, что, избег-

---

[1] *Михеев В. А.* Этапы развития Российской государственности в контексте социально-политической мысли // Социология власти. — 2012. — № 2. — С. 119.

[2] См.: Указ Президента РФ от 03.03.2011 N 267 «О праздновании 1150-летия зарождения российской государственности»// Сайт Президента Российской Федерации. URL: http://graph.document.kremlin.ru/page.aspx?1 547 897 (дата посещения: 19.12.2011).

[3] См.: Стенограмма заседания по вопросу подготовки к празднованию 1150-летия зарождения российской государственности // Сайт Президента Российской Федерации. URL: http://state.kremlin.ru/face/12 075 (дата посещения: 22.07.2011).

[4] Так, например, в полемике конца 90-х годов XX в. В. В. Ильин и А. С. Ахиезер высказывали мнение, что эта дата «достаточно произвольна, непосредственно с общей логикой отечественного этатогенеза не связана», а элементы государственности Руси имели более раннее происхождение и с норманнами некоординированное. *(Ильин В. В., Ахиезер А. С.* Российская государственность: истоки, традиции, перспективы. — М. : Изд-во МГУ, 1997. — С. 368.

[5] См.: *Сахаров А. Н.* Рюрик и судьбы российской государственности / Российская газ*ета*. — 2002. — 27 сент.

нув одной неприятности, попадаешь в другую»[1]. Один из тех, на кого могли быть рассчитаны советы Макиавелли, — российский самодержец Александр II, оказавшись полтора века назад в похожей «точке бифуркации», мучительными сомнениями не терзался. Его императорское повеление пышно отпраздновать в 1862 году 1000-летие России соответствовало логике инициированных им же великих либеральных реформ, которые, в представлении Медведева, «изменили, по сути, всю страну и предопределили тренд её развития на долгие годы»[2].

Один из главных мотивов Александра II — использовать юбилей не только для придания стимула к подъёму государства, но и для сближения власти и народа — по прошествии 150 лет оказался вновь востребованным правителями России. И здесь либеральная приверженность третьего президента страны склонила чашу весов в пользу решения, которое «имеет значение не только и не столько научное… сколько абсолютно практическое», с очевидным для Медведева смыслом: «консолидация нашей страны, нашего народа в целях дальнейшего развития нашего большого и очень сложного государства»[3].

Характеристика России, как весьма сложного государственного образования, в изобилии встречающаяся в президентском дискурсе, в значительной мере обусловлена как своеобразием многонационального и многоконфессионального устройства страны, так и несовершенством её политической системы. Развитие российской государственности изначально происходило на многонациональной основе и пошло по пути объединения. Другой фундаментальный исторический урок, по мнению Медведева, заключается в том, что в процессе рождения государства не было существенных препятствий для культурного и религиозного многообразия, что предопределило создание такого уникального государства, как Российская империя, впоследствии Российская Федерация.

Действительно, религиозный фактор оказывается «прошит» в нашем восприятии социальных, политических и культурных процессов империо— и нациестроительства. «Независимо от того, что изучает историк или антрополог — «общество» или «религию», само осознание сложной и внутренне гетерогенной, а также исторически обусловленной природы общества и сферы идей и ценностей заставляет внимательно прислушиваться ктем языкам и учитывать те практики, посредством которых «религия» проявляет себя публично, а «общество» мобилизуется вокруг того или иного символа веры»[4].

---

[1] *Макиавелли Н.* Государь / Пер. с ит. — М. : Изд-во «Планета», 1990. — С. 68 – 69.

[2] Стенограмма заседания …

[3] Там же.

[4] Конфессия, империя, нация: религия и проблема разнообразия в истории постсоветского пространства. — М. : Новое издательство, 2012. — С. 11.

Современный исследователь сегодня не ограничен в попытках наложения матрицы конфессиональных сообществ на множество других матриц — исторических, культурных, социальных, политических и т.п. Это позволяет ему выяснить, «в каких отношениях оказывается ментальная карта религиозной солидарности и чуждости «с конструированием воображаемого пространства политической (или этнокультурной) нации или задачами внешней политики, обусловленной государственными границами»[1]. Среди множества современных методов анализа индивидуального и коллективного сознания, применимых также и при изучении политических отношений важное место занимает дискурс-анализ когерентных текстов, принадлежащих лидерам российских мусульман.

Характерной чертой дискурса, является его «существенная политическая, социальная и моральная нагруженность»[2]. Это свойство в полной мере проявляется в исламском дискурсе, где тесно переплетены политический, национальный и религиозный компоненты по причине нераздельности этих сфер жизни в исламе. В широком смысле под исламским дискурсом сегодня понимается система понятий и категорий, связанных с исламом, в которых мусульманские авторы описывают окружающую их реальность различного, в том числе и социально-политического порядка. Как уточняет И. Л. Алексеев, «это описание структурно организуется, с одной стороны, как дискуссия о степени релевантности тех или иных существующих внутри ислама взглядов, норм и моделей поведения в современных автору условиях, с другой стороны — как выяснение соответствия этих условий идеальным, с точки зрения участников дискуссии, исламским образцам жизни и мысли»[3].

О политическом же дискурсе, являющемся типом институционального дискурса, мы говорим прежде всего как об «обмене обоснованными позициями, взглядами на важную общественно-политическую тему в соответствии с определёнными правилами с целью сближения позиций сторон, в результате чего предпринимаются действия для решения социально значимых проблем»[4]. Применяемый нами дискурс-анализ, определяемый И. Т. Касавиным как типичная интеракция, в которой происходит социальное конструирование реальности[5], позволяет проследить процесс легитимизации со-

---

[1] Там же. — С.14.

[2] *Касавин И. Т.* Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка. — М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2008. — С.354.

[3] (См.: *Алексеев И. Л.* В поисках «хорошего Ислама»: Ислам и исламоведение между диалогом культур и «столкновением цивилизаций» // Сайт «Ислам в Р*оссийской Федерации».* URL: http://pda.islamrf.ru/news/umma/ islam-world/2690 (дата посещения: 2.01.2012 г.).

[4] *Тимофеева Л. Н.* Становление и развитие политических коммуникаций // Идейно-символическое пространство постсоветской России : динамика, институциональная среда, акторы / под ред. О. Ю. Малиновой. — М. : Российская ассоциация политической науки (РАПН); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. — С.170.

[5] См.: *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. М. , 1966.

циальных и политических институтов, т.е. их субъективного понимания и принятия индивидами[1].

К числу активных агентов дискурсивного конструирования и продвижения «воображаемых религиозных сообществ»[2] как в среде верующих, так и в целом в российском публичном пространстве (многосоставной термин предложен Е. Ходжаевой и Е. Шумиловой[3]), бесспорно, можно отнести председателя Совета муфтиев России, шейха муфтия Р. Гайнутдина. В настоящее время Равиль Гайнутдин является руководителем одного из основных центров, аккумулирующих связи высшего руководства России и российского мусульманства, представляющего собой, по оценке А. В. Малашенко, «не унитарную общину, но сообщество»[4]. Публичные суждения Р. Гайнутдина по самому широкому спектру проблем развития Российского государства нередко приобретают резонансное звучание в средствах массовой информации.

Объяснение такому эффекту продуктивно искать в рамках концепции о коммуникации выдающегося немецкого социолога и философа XX века Н. Лумана, использовавшего понятие резонанса (Resonanz) для объяснения происхождения контакта системы с окружением. На примере экологической проблемы, рассмотренной им в работе «Экологическая коммуникация», Никлас Луман делает вывод о том, что «резонируя, общество реагирует не на стихию и даже не на гибель людей, а на реакцию массмедиа и других общественных структур по этому поводу»[5]. В этом контексте может быть рассмотрено и требование Р. Гайнутдина к Российской Федерации «полностью легитимизировать и, так сказать, «прописать» свою мусульманскую составляющую»[6].

Данное заявление главы Совета муфтиев России, внесённое в пространство политического дискурса через «Независимую газету» (в интервью «НГ-Религии»), при всех известных попытках рассмотрения вопроса о включении мусульманских регионов в Московское государство и Российскую империю

---

[1] *Касавин И. Т.* Указ. соч. — С. 411.

[2] Термин «воображаемое сообщество» (*imagined community*), применённый Б. Андерсоном для описания национальных сообществ, имеет инструментальную ценность для описания религиозного и политического сообщества. «Оно воображённое», поскольку члены даже самой маленькой нации никогда не будут знать большинства своих собратьев-по-нации, встречаться с ними или даже слышать о них, в то время, как в умах каждого из них живёт образ их общности» (Андерсон Б. Воображаемые сообщества. — М. , 2001. — С. 21).

[3] *Ходжаева Е., Шумилова Е.* «Кто такой верующий?»: повседневные типизации своих и чужихв православном и мусульманском дискурсах (на примере Казани) // К*онфессия, империя, нация: религия и проблема разнообразия в истории постсоветского пространства.* — М. : Новое издательство, 2012. — С. 345.

[4] *Малашенко А.* Исламская альтернатива и исламистский проект / Алексей Малаш*енко ; Моск. Центр Карнеги.* — М. : Изд-во «Весь мир», 2006. — С. 103.

[5] *Назарчук А. В.* Учение Никласа Лумана о коммуникации. — М. : Издательство «Весь Мир», 2012. — С. 51.

[6] *Мельников А.* Указ. соч.

представляется вполне логичным и обоснованным в рамках историко-цивилизационного подхода. Данный подход, по утверждению специалиста по истории ислама Р. Г. Ланды, «заставляет по-новому взглянуть и на связи России с Востоком, и на происхождение Русского государства, и на диалог цивилизаций Руси и Великой степи <...>, которые во многом подготовили и облегчили контакты Руси с исламом, их взаимодействие, взаимообмен и взаимопонимание»[1]. По сути, Р. Гайнутдин воспроизвёл известный науке взгляд, представленный в трудах Г. В. Вернадского, Л. Н. Гумилёва, Н. С. Трубецкого, Р. Г. Ланды и др.[2] — на вклад мусульман, который «был гораздо значительнее, чем принято думать»[3], в политическую жизнь и политическую культуру, организацию государства и местной администрации, экономику, военное дело и социальный быт России.

Однако попытка Р. Гайнутдина актуализировать «хорошо забытое старое», но уже в рамках политического дискурса, оформленная в утверждении о том, что Волжская Булгария, Золотая Орда и мусульманские образования на Северном Кавказе, включая Имамат Шамиля, «с исторической точки зрения являются такими же учредителями современной России, как Киевская Русь и Московское княжество»[4], привела к очередному резонансу в обществе. При этом средствами массовой информации из высказываний главы Совета муфтиев России, позитивно утверждавшего, что российские мусульмане видят себя «неотъемлемой частью единой российской гражданской нации», была извлечена прежде всего негативная коннотация, к сожалению, часто сопровождающая этнополитические и этноконфессиональные сюжеты в современных дискурсивных практиках.

В отличие от дискурс-агентов мусульманского сообщества, которыми текст Равиля Гайнутдина был воспринят как «знаковый тезис, который мог бы лечь в основу кооптации «мусульманского» в ткань современной российской государственности, ... стать ключевым моментом в программе исторического примирения «российского» и «исламского»»[5], реципиенты дискурса, представляющие другие религиозные сообщества, оценили аналогию о «соучредителях» России как принципиально неверную. Выдвинутый ими в ответ антитезис содержал смысл, явно присущий «имперской» риторике: «все мусульманские владения, когда-либо входившие в состав России, были завоёваны силой

---

[1] *Ланда Р. Г.* Россия и мир российского ислама. — М. Н. Новгород: ИД «Медина», 2011. — С. 404.

[2] *Вернадский Г. В.* Русская история. М. : «Аграф», 1997; Гумилёв Л. Н. От Руси до России. М. : Айрис-Пресс, 2011; Трубецкой Н. С. О туранском элементе в русской культуре // Россия между Европой и Азией. М., 1993; Ланда Р. Г. Ислам в истории России. М., 1995.

[3] См.: Ethnic Encounter and Culture Change. Bergen, 1997, p. 89.

[4] *Мельников А.* Указ. соч.

[5] *Мухаметов Р. М.* В поисках примирения. «Русский вопрос» и «исламский вопрос» в России // «Русский журнал». URL: http://russ.ru/Mirovaya-povestka/V-poiskah-primireniya (дата посещения: 09.02.11).

оружия», а значит и мусульмане, поступавшие на службу к русским князьям, «были не «соучредителями», а слугами-вассалами православных государей»[1].

Любая коммуникация, по Луману, рискованна, поскольку её амбивалентный характер способен вести как к консенсусу, так и к конфликту[2]. Не является исключением и современное либеральное общество, где для религий, по замечанию Д. А. Узланера, обязательно отводится определённое ограниченное пространство, в котором те получают полную свободу действия при условии, что они не выйдут за отведённые для них пределы, ограничивающее альтернативное религии пространство светского. «Поэтому, когда живые религиозные традиции пытаются выйти за отведённые им пределы, это вызывает вполне искреннее негодование по поводу религиозного фанатизма: якобы, религия пытается залезть на чужую территорию и диктовать там свои правила»[3], — пишет Узланер. Не случайно, что в XXI веке уже большинство политических проблем приобретает социальный резонанс вследствие наделения их религиозными смыслами, а «религиозные интенции становятся востребованными прежде всего в политическом пространстве»[4].

В одной из работ Жильбера Делану, известного французского автора, переведённого в России на русский язык Алиёй Акимовой, справедливо замечено, что «религиозные откровения и современный мир должны в какой-то степени приспособиться друг к другу, ибо, с одной стороны — мусульмане не могут отвергнуть основ своей религии, а с другой — не могут отказаться от жизни в современной цивилизации»[5]. Вхождение народов из разных национальных и религиозных сообществ в одно Российское государство действительно способствовало формированию общих ценностей в России — в стране, где традиции толерантности и взаимного уважения были присущи практически с самого начала. Этот факт, в понимании Д. Медведева, следует отнести к фундаментальным историческим урокам, рассуждая о сложившейся модели российской государственности[6].

---

[1] *Новгородцев И.* Нужен ли России День принятия ислама, или Как избежать насилия над историческим сознанием страны // Портала-Credo.Ru. URL: http://www.portal-credo.ru/site/?act=news&id=79 203 (дата посещения: 03.08.10).

[2] См.: *Луман Н.* Что такое коммуникация? // Социологический журнал. — 1995. — № 3.

[3] *Узланер Д. А.* Расколдовывание дискурса: «религиозное» и «светское» в языке нового времени // Логос. — 2008. — № 4. — С.140.

[4] *Мчедлова М. М.* Религиозные смыслы современной политики: потребность в новом осмыслении // Социология в системе научного управления обществом : Материалы IV Всероссийского социологического конгресса. Москва. 24 февраля 2012. [Электронный ресурс]. — Москва: ФГБУН «Институт социологии Российской академии наук, IT центр Института социологии РАН, 2012. — С.772.

[5] *Делану Ж.* Некоторые аспекты возрождения ислама в России. Мусульманский реформизм в арабоязычных странах (1800 – 1940) // Ислам в татарском мире: история и современность: Материалы международного симпозиума, Казань, 29 апреля — 1 мая 1996 г. — Казань, 1997. URL: http://www.kcn.ru/tat_ru/politics/pan/index.php?tbut=12&sod=13 (дата посещения 10.02.2012).

[6] См.: Стенограмма заседания по вопросу подготовки к празднованию 1150-летия зарождения российской государственности.

Да, сегодня цивилизованная Россия по-прежнему является светской страной, в которой религия отделена от государства по Конституции. Но светскость, по замечанию Государственного Советника Республики Татарстан М. Ш. Шаймиева, внёсшего, по оценке В. В. Путина, огромный вклад в становление современной российской государственности, не означает при этом «вытеснения религии из жизни общества, отстранения религиозных объединений от участия в решении общественно значимых задач»[1]. Религия не изолирована от социума, в котором она осуществляет значимую социальную функцию — обеспечивает моральные основания и принципы для выживания людей, создаёт духовно-нравственные скрепы для солидарного человеческого обустройства. По этому же основанию В. В. Путин в предвыборной статье «Демократия и качество государства» наделил традиционные российские религии статусом мощного скрепляющего фактора, признавая за ними безусловную ценность интегратора российского социума[2]. Вместе с тем интегративная ценность религиозного фактора не предполагает его неправомерную избыточность в политической сфере и административно-управленческой деятельности российского государства.

Однако в отдельных регионах страны экспертами фиксируется противоположная картина, когда представляющие интересы светской власти местные руководители в ряде случаев оказываются зависимыми в своих действиях от позиции мусульманских религиозных авторитетов. «Налицо также тенденции, когда религиозные организации стремятся оказывать влияние на политические процессы в российском обществе, по некоторым вопросам даже подменяя общественные и государственные институты»[3]. Спектр такой «подмены», о которой говорит М. Мчедлова, представляется уже достаточно широким, чтобы не замечать того, как религиозные объединения постепенно превращаются из социальных институтов в социально-политические и зачастую становятся полноценными субъектами политики в российском государстве. Например, когда отдельные населённые пункты живут по исламскому праву, священники посредством своих прихожан оказывают влияние на избирательные кампании, религиозными организациями выстраиваются мощные финансовые структуры, интегрированные в политические процессы[4].

Как комментирует религиозно-политическую ситуацию в Дагестане руководитель группы мониторинга молодёжной среды Республики Дагестан и эксперт

---

[1] *Шаймиев М. Ш.* Опыт цивилизованного общежития религий в нашей республике — это одна из фу*ндаментальных основ развития Татарстана* // Ислам минбаре [газета Духовного управления мусульман Европейской части России]. URL: http://www.islamrt.ru/htm/interview_shamiev.htm (дата посещения: 20.01.2012).

[2] См.: *Путин В. В.* Демократия и качество государства // Коммерсантъ. — 2012. — 6 февр.

[3] *Мчедлова М. М.* Религия и политические императивы: социокультурные реалии современности: Монография. — М. : РУДН, 2011. — С.189–190.

[4] Там же.

Центра исламских исследований Северного Кавказа Р. Гереев[1], зависимость местных руководителей от имамов уже проявляется в вопросах рекомендации того или иного человека на государственные или муниципальные должности на местах, регулировании споров на основе шариатских норм. Дальнейшее укоренение подобной практики в республике, по мнению эксперта, неизбежно приведёт к клерикализации дагестанского общества, не исключая конфликт интересов исламского духовенства и светских институтов. Без кардинальных мер в религиозной политике, заключает представитель Центра исламских исследований Северного Кавказа, Россию ждёт печальное будущее.

Как комментирует Р. Гереев, эксперт Центра исламских исследований Северного Кавказа и руководитель группы мониторинга молодёжной среды Республики Дагестан, зависимость местных руководителей от местных имамов проявляется в вопросах рекомендации того или иного человека на государственные или муниципальные должности на местах, регулировании споров на основе шариатских норм. Всё это, по мнению эксперта, может неизбежно привести к клерикализации дагестанского общества, не исключая конфликт интересов исламского духовенства и светских институтов современного общества[2].

Весьма схожие процессы отмечаются экспертным сообществом и в соседней с Дагестаном Чечней, где исламский фактор ранее уже проявлялся «в создании исламских партий и движений, участии мусульманского духовенства, мусульманских групп, суфийских братств в общественно-политической жизни Чечни»[3]. Здесь Глава Чеченской республики Р. А. Кадыров во время встречи в марте 2012 года с членами Парламента ЧР заявил: «Для нас ориентиром должны быть только три главных свода правил — каноны Ислама, законы нашего государства и вековые адаты[4] чеченского народа»[5]. Именно

---

[1] См.: *Амелина Я.* Эксперт: «Без кардинальных мер в религиозной политике Россию ждёт печальное будущее» // ИА Regnum. — 20 011. — 19 февр. URL: http://www.regnum.ru/news/ polit/1 376 383.html (дата посещения: 20.12.2011).

[2] *Амелина Я.* Эксперт: «Без кардинальных мер в религиозной политике Россию ждёт печальное будущее» // ИА Regnum. —20 011. — 19 февр. URL: http://www.regnum.ru/news/polit/1 376 383. html (дата обращения: 20.12.2011).

[3] *Мусайханов С. С.* Исламский фактор в военно-политических процессах в Чеченской Республике (1911–2011 гг.) : автореф. дис. . . . канд. филос. наук: 09.00.14. — М. : РАНХиГС, 2012. — С. 3.

[4] В мусульманском мире принято различать две стороны его исламской составляющей — собственно религиозную и мирскую. Первая группа правил шариата (по исламской терминологии — «фикха») сводится к исламскому культу — религиозным институтам, нормам и поведению мусульман как верующих. Её принято называть «ибадат». Вторая (адат и муамалат) включает вопросы и нормы, носящие мирской характер, но ориентирующиеся на на исламские критерии и определяющиеся ими: основы организации власти, правосудия, экономической жизни и т.д. (Сюкияйнен Л. Р. Глобализация и мусульманский мир: оценка современной исламской правовой мысли. — Издательский дом Марджани, 2012. — С. 5354).

[5] См.: Глава ЧР Р. Кадыров встретился с депутатами Парламента ЧР // Сайт «Парламент Чеченской Республики». URL: http://www.parlamentchr.ru/content/view/1372/ (дата посещения 12.03.2012).

в такой последовательности руководитель одного из субъектов РФ перечислил ориентиры, которыми должны руководствоваться не только представители законодательной власти в ЧР, но и избиратели парламентариев. «В их соблюдении и лежит предназначение истинного чеченца», — уточнил Рамзан Кадыров[1].

Отмечаемый экспертами складывающийся в некоторых субъектах РФ тренд, связанный с попытками установления религиозного диктата одной веры, находит своё отражение в российском политическом дискурсе. Так, в рамках своей предвыборной кампании кандидат в президенты РФ В. Путин исключил диктаторский подход в применении ко всем институтам политической системы. «Никто не имеет права ставить национальные и религиозные особенности выше законов государства», — указывал Путин в своей предвыборной статье, посвящённой национальному вопросу[2].

В современной литературе достаточно подробно рассмотрена проблема потенциальной опасности для целостности и единства Российского государства, когда региональными лидерами (в первую очередь, в субъектах РФ, созданных по национальному признаку) могут использоваться политизированные исламские общины «как инструмент давления на переговорах с Федеральным центром, особенно на фоне начинающегося процесса по укрупнению субъектов Российской Федерации»[3]. Тема недопустимости в светском государстве религиозного диктата какой-либо одной веры в применении ко всем институтам политической системы прочно закрепилась и в дискурсах Д. Медведева и В. Путина. Признавая, что законы государства должны учитывать национальные и религиозные особенности, В. Путин особо подчёркивал, что «никто не имеет права ставить национальные и религиозные особенности выше законов государства»[4].

Тем не менее такая опасность продолжает сохраняться не только на Северном Кавказе, но и в регионах Поволжья России, где, по данным социологов, отмечается высокая степень самоидентификации местного населения с исламом — 74 % опрошенных татар и башкир соответствующих респу-

---

[1] Рамзан Кадыров, занимающий высокие официальные должности в светском государстве, не впервые демонстрирует приверженность религиозной традиции. В 2006 году Р. Кадыров, являвшийся в 19 962 000 гг. помощником муфтия ЧР, уже будучи исполняющим обязанности председателя правительства Чечни в праздник Курбан-байрам принёс в жертву шесть верблюдов и более 300 овец, а став президентом республики, он перед инаугурацией совершил малый хадж, посетив Саудовскую Аравию. В 2009 году имя Р. Кадырова было включено экспертами Центра мусульмано-христианского взаимопонимания принца Аль-Валида бин Таляля при американском университете в Джорджтауне (ACMCU) в список самых влиятельных мусульман мира.

[2] *Путин В. В.* Россия: национальный вопрос // Независимая газ. — 2012. — 23 янв.

[3] *Филь М. С.* Мусульманское сообщество в России: проблемы политического участия и социальной адаптации : монография. — М. : Маркет ДС, 2006. — С. 78.

[4] *Путин В. В.* Россия: национальный вопрос// Независимая газ. — 2012. — 23 янв.

блик[1]. В последние годы, как утверждает Д. В. Мухетдинов, боестолкновения, которые «захватили уже Волго-Уральский регион», чрезвычайно пугают татар и башкир. «К тому же уровень противостояния между национальными организациями этих народов только растёт наряду с всё более жёсткими заявлениями башкирских молодёжных активистов»[2]. По мнению цитируемого автора, это даёт прямую выгоду радикалам, выдвигающим лозунги исламского единства.

Утверждение о растущих радикальных настроениях может быть проиллюстрировано текстами, нагруженными «протестным» содержанием, попавшими в российский сегмент «всемирной паутины». Отсутствие государственных, национальных и религиозных границ сегодня позволяет широко применять интернет-технологии в сочетании с другими, описанными в рамках теории политических сетей, для создания среди гражданского населения протестных настроений. Эти возможности были убедительно продемонстрированы в период революций на Ближнем Востоке, где бурная «арабская весна» успела в одних странах сменить правящие режимы, а в других их основательно сотрясти. За буйством «арабской весны» с растущей тревогой следили и в России по очевидной причине: «урок арабских революций состоит в том, что у масс появилось новое оружие — Интернет и это оружие, вполне возможно, может быть применено не только в сравнительно отсталых или, используя другой термин, развивающихся странах, но и в развитых государствах»[3].

Определённое воздействие на носителей и реципиентов дискурса оказывают протестные ноты в «неуправляемом» интернет-сообществе. В этом смысле показательна размещённая для обсуждения в «Живом журнале» и на мусульманском интернет-сайте «Ансар» Исламская гражданская хартия (Хартия гражданских требований мусульман России)[4]. Текст, в написании которого приняли участие не только этнические мусульмане, но и лидер Национальной организации русских мусульман[5], содержит заявление о намерении добиваться претворения в жизнь политических и иных реформ в российском государстве. Среди них: внесение изменений в закон о политических партиях, которые бы предоставили возможность создавать партии в уведомительном порядке, в том числе, по региональному, религиозному и национальному признакам, органи-

---

[1] *Синелина Ю. Ю.* Изменение религиозности населения России: православные и мусульмане. Суеверное поведение россиян. — М. : Наука, 2006. — С. 52.

[2] *Мухетдинов Д. В.* Российская умма в новом тысячелетии: полет нормальный // Медина аль—Ислам [Газета мусульман Евразии]. — 2011. — Июнь-июль. — № 67 (117–118).

[3] *Васильев А. М.* Цунами революций // Триединство: Россия перед близким Востоком и недалёким Западом : Научно-литературный альманах. Вып. 1: 10 лет со дня «чёрного вторника» сентября 2001 года. — 2-е изд., доп. — М. : Грифон, 2012. — С. 129.

[4] См.: Исламская гражданская хартия // Информационный сайт «Ансар». URL: http://ansar.ru/person/2011/12/26/25 404 (дата посещения: 26.12.2011).

[5] Авторами размещённого на веб-сайте документа указаны журналист Р. Мухаметов, издатель А. Эжаев, общественный деятель Х. Сидоров.

зация честных и прозрачных выборов под контролем международных организаций и правозащитников, возврат к принципам реального федерализма, выборности глав субъектов федерации, отмена унитаристских и ассимиляторских законов, в частности, закона о языках народов России и т.д.

Судя по информации[1], представленной в «Живом журнале», первое собрание московских сторонников Исламской гражданской хартии прошло с участием депутата российского парламента И. В. Пономарева, члена фракции партии «Справедливая Россия». Появление одного из лидеров российской оппозиции в рядах создателей Хартии гражданских требований мусульман России можно рассматривать как продолжение курса партии «Справедливая Россия» на привлечение потенциала исламской конфессиональной группы на свою сторону, с целью увеличения собственного влияния в большой политике.

Ещё одной темой, которая время от времени дискурс-агентами мусульманского сообщества актуализируется в публичной сфере, является вопрос представительства мусульман в органах власти, внесения изменений в российское законодательство в соответствии с законами шариата и т.д. М. Филь, связывая данную проблему прежде всего с ростом «мусульманского» населения России[2] и в меньшей — с массовой политической практикой мусульман, приходит к выводу, что «возникновение крупных общественных и политических объединений, созданных на основе догматов ислама, в ближайшие 10–15 лет не прогнозируется»[3].

В этой связи обратимся к двум «манифестам», изданным Советом муфтиев России и Духовным управлением мусульман Нижегородской области. Авторы первого текста призывают российскую власть к необходимости постоянного учёта внешних факторов политической жизни мирового сообщества, исламской его части, а также российской уммы[4] для выработки собственной политической позиции. Кроме того, предлагаются проекты формирования политического движения (партии), которое объединило бы представителей различных диаспор и организаций, защищало и лоббировало интересы всех представителей мусульманских национальностей[5].

---

[1] URL: http://islamhartiya.livejournal.com/892.html (дата посещения: 10.01.2012).

[2] На демографически обусловленный характер мусульманского фактора в новой России одним из первых заговорил В. Т. Третьяков, главный редактор «Новой газеты». Всерьёз размышляя в 1998 году о сроках возможного будущего мусульманского президентства в РФ, он называл 2030 год, когда русские составят меньшинство населения.

[3] *Филь М. С.* Указ. соч. — С. 117–118.

[4] Умма — мировое мусульманское сообщество, неотъемлемой, интегральной частью которого является российская умма.

[5] Манифест. Нижегородские мусульмане за укрепление Российского государства и построение гражданского общества. — Н. Новгород: Изд-во Нижегор. исламского медресе «Махинур», 2006. — С. 30–31.

В другом манифесте представителями информационно-аналитического центра нижегородских мусульман «Амаль» («Надежда») предлагаются сценарии самоопределения уммы в рамках Российского государства и её политического представительства во властных кругах Российской Федерации, которые «должны сцементировать государственность России, исторически строившейся вдоль оси Православие — Ислам»[1]. В частности, в документе говорится о квотировании за мусульманами мест в органах власти всех уровней, введении поста вице-президента, закреплённого за представителем мусульманской общины, разрешении частичной легитимизации исламского права (шариата) в местах компактного проживания мусульман, создание одного или двух духовных центров как арбитров мусульманского сообщества перед государством. Российской Федерации в этом случае надлежит придерживаться политики «невмешательства государства во внутренние дела уммы», сохраняя всё же в исключительной юрисдикции вопросы государственной безопасности[2].

Основной мотив, которым руководствуются авторы манифестов нижегородских мусульман[3], содержит нескрываемую политическую коннотацию. Для них важны не количественные показатели успехов мусульман в деле восстановления позиций ислама в Российском государстве, которых они уже смогли добиться с момента начала религиозного возрождения, а качественные показатели (и прежде всего — политические).

Истекшие с момента опубликования манифестов пять лет оказались наполненными рядом важных событий в политической жизни мусульманского сообщества России и исламского мира. Революционные волнения на «арабской улице» привели к власти в ряде ближневосточных стран представителей исламских партий. В Центральной и Средней Азии набирает популярность международная организация «Хизб-ут-тахрир аль-ислами» (Hizb-ut-Tahrir al-Islami), основанная в Палестине в 1953 году с целью восстановления халифата и насаждения исламского права во всех мусульманских государствах[4]. Россия, пережившая мировой финансовый кризис, вступила в череду протестных настроений со стороны определённых слоёв населения, вышедших на площади и улицы столицы и городов страны с требованиями усовершен-

---

[1] Манифест. Сценарии политического представительства уммы во властных кругах Российской Федерации и насущная необходимость единения мусульманского со-общества страны. — Н. Новгород: Изд-во Нижегор. Исламского медресе «Махинур», 2006. — С. 9.

[2] Там же. — С. 10.

[3] Одним из авторов является Д. В. Мухетдинов, ректор Нижегородского исламского института им. Х. Фаизханова, кандидат политических наук, в настоящее время — первый заместитель председателя Духовного управления мусульман Европейской части России (ДУМЕР), член Общественной палаты РФ.

[4] Информация размещена на веб-сайте организации, URL: http://www.hizb-ut-tahrir.org (дата посещения: 10.02.2012).

ствования политической системы России в соответствии с демократическими преобразованиями.

На фоне происходящего вполне ожидаемой оказалась активность мусульманских лидеров по включению в политическую повестку темы превращения мусульманского сообщества в полноценного субъекта политики в Российском государстве. Так, руководитель Духовного управления мусульман Саратовской области М. Бибарсов[1] заявил, что партии и общественно-политические структуры, которые станут отстаивать религиозные принципы, имеют право на существование[2]. Если раньше религиозные организации всегда были вне политики, то сейчас, по мнению муфтия Дальневосточного округа от ДУМ азиатской части России А. Ишмухаметова, когда общество теряет духовные ценности, возможно, пришло время и священнослужителям идти во власть[3]. Помимо духовного обнищания социума другой важной компонентой политизации исламских общин, убеждён глава дальневосточных мусульман, стало отсутствие обратной связи с представителями власти, которые «редко прислушиваются к позиции религиозных организаций».

Вместе с тем лидеры мусульманских общин всё активнее развивают политические коммуникации с российским исламским сообществом, отзывающимся на происходящие изменения в стране и мусульманском мире. Так, согласно результатам исследования, проведённого АНО «Институт современного политического управления» по заказу Правительства Москвы и отражающего динамику религиозных предпочтений москвичей в 2008 году, опрошенные мусульмане отметили, что они в равной степени готовы потратить своё свободное время на развитие партии и поддержать ее на выборах. Эти два варианта получили равное количество ответов (41,7 %), демонстрируя готовность приверженцев ислама к активным действиям ради достижения своих политических целей[4].

Авторами опроса также было высказано предположение о том, что «в перспективе, если всем заинтересованным сторонам удастся договориться, возможно появление в России заметной политической партии происламской ориентации»[5]. И 8,3 % мусульман готовы вести агитационно-пропагандист-

---

[1] М. Бибарсов являлся организатором и руководителем Межрегионального общественно-политического объединения «Мусульмане России», созданного в 1996 г. и ставшего одной из системообразующих организаций блока «Единства».

[2] *Мухаметов Р. М.* Бибарсов: Мусульманские партии имеют право на существование // Информационно-аналитический канал «Ансар». URL: http://www.ansar.ru/person/2012/01/23/26101 (дата посещения: 24.11.2011).

[3] *Хайретдинов М. З.* Политизация духовенства // Минарет Ислама. — 2011. — № 1–2 (27–28).

[4] Религиозный фактор в жизни Москвы. Итоги проведения аналитических работ в рамках Раздела 6 «Религиозный фактор в жизни общества» Городской целевой программы «Столица многонациональной России» на 2008–2010 гг. в 2008 году. — М., 2008. — С. 34.

[5] Там же. — С. 35.

скую работу, что в 2008 году являлось достаточно высоким показателем в сравнении с остальными конфессиональными группами. Кроме того, результаты проведённого нами в 2011 году экспертного опроса 110 респондентов из 6 федеральных округов РФ также подтверждает положительную динамику возросшей политической активности российских мусульман.

Таким образом, проведённый анализ текстов, представленных в современном политическом дискурсе, позволяет постулировать несколько положений.

Во-первых, формирующийся у российских мусульман запрос на институциональное оформление политического сообщества подводит к необходимости уточнения специфики данного концепта в рамках исламской культуры. Опираясь на имеющиеся теоретико-методологические разработки в зарубежной и российской политической науке (Р. Роудс, В. С. Кот, П. В. Панов), данный концепт может быть определён как форма и способ самоорганизации индивидов в политическом процессе, социальных общностей и политико-правовых систем, объединяющихся на основе исламской культуры для достижения общих целей и строящих свои взаимоотношения внутри мусульманского сообщества и с другими сообществами исходя из принципов согласия и толерантности.

Во-вторых, следует признать, что в ближайшей перспективе носители политического дискурса, представляющие мусульманское сообщество России, с нарастающей активностью будут формулировать темы (развитие Российского государства, его будущее, фундаментальные вопросы государственности и политической системы), способные и далее вызывать резонансный характер в социуме, в котором СМИ претендуют (либо делают вид, что претендуют) занять место «четвёртой власти».

В-третьих, на обсуждение тем, выносимых лидерами российских мусульман в политическую повестку, сильное влияние продолжит оказывать процесс исламского возрождения в России, претендующего в нашей стране, как и в мире в целом, на активную роль в решении общегосударственных проблем.

В-четвёртых, требования российских мусульман о создании партий на религиозной основе обусловливаются всё возрастающими претензиями их лидеров на реальное политическое участие мусульманского сообщества в жизни Российского государства. Однако допущение прямого вмешательства религиозных объединений в политику может привести к существенным изменениям в политической системы России.

Наконец, в-пятых, любые планы по воссозданию шариатских анклавов внутри светского государства (Чечня, Дагестан, Татарстан, Башкортостан и т.д.), в случае их дальнейшей эскалации, будут также сохранять резонансный потенциал в современном обществе и вызывать противодействие со стороны Российского государства. Выразители политической и духовной власти в рав-

ной степени должны быть заинтересованы в необходимости повышения политической культуры населения и в целях предотвращения возникновения и развития в среде религиозных общин экстремистских идеологических течений и организаций — более тесной интеграции мусульманского сообщества в единое политико-правовое пространство России.

Список литературы

1. *Бугай Н. Ф.* Северный Кавказ. Государственное строительство и федеративные отношения: прошлое в настоящем. М. : Гриф и К, 2011.
2. *Гайнутдин Р.* Ислам. Ответ на вызовы времени. М. : Эксмо, 2011.
3. *Касавин И. Т.* Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка. М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2008.
4. Конфессия, империя, нация: религия и проблема разнообразия в истории постсоветского пространства. М. : Новое издательство, 2012.
5. *Сюкияйнен Л. Р.* Глобализация и мусульманский мир: оценка современной исламской правовой мысли. Издательский дом Марджани, 2012.
6. *Тимофеева Л. Н.* Становление и развитие политических коммуникаций // Идейно-символическое пространство постсоветской России : динамика, институциональная среда, акторы / под ред. О. Ю. Малиновой. — М. : Российская ассоциация политической науки (РАПН); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011.
7. *Филь М. С.* Мусульманское сообщество в России: проблемы политического участия и социальной адаптации : монография. М. : Маркет ДС, 2006.

© Кашаф Ш. Р., 2012